

В. В. Шлеев

К ИСТОРИИ ВАНСКОГО ЦАРСТВА (УРАРТУ)
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
VII вв. до н. э.

Из истории Урарту последних трех десятилетий VIII и почти всего VII века до н. э. сравнительно часто привлекал внимание специалистов только небольшой, приблизительно десятилетний период, когда развертывалась особенно напряженная борьба между Урарту и Ассирией¹. Вся же остальная история государства Урарту этого времени более, чем за столетие, до сих пор была известна лишь в общих чертах². Поэтому представляется целесообразным на основе имеющихся материалов попытаться более подробно осветить некоторые вопросы истории государства Урарту этого времени, вызывающие подчас серьезные разногласия среди урартоведов.

1. УРАРТУ И ЗАКАВКАЗЬЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ РУСЫ,
СЫНА САРДУРИ

В завоевательной политике государства Урарту как первой, так и начала второй половины VIII в. до н. э., заметное место занимали районы Закавказья. Прочно закрепившись в Айратской долине еще во время правления царя Аргишти I (786—764), урартийцы в годы правления сына Аргишти, царя Сардурп II (764—735) совершают многочисленные походы в более северные районы, вплоть до берегов озера Чалдыр и озера Севан.

¹ См., напр. В. В. Плотровский, Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э., ВДИ, 1939, № 1, стр. 65—78; о н же, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 103—128; в этих работах имеются многочисленные ссылки на специальные труды иностранных ученых по данному вопросу; см. также Г. А. Меликишвили, Наир-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 276—295; А. А. Барамидзе. Из истории ассиро-урартских взаимоотношений в последней четверти VIII в. до н. э. Автореферат диссертации, Тбилиси, 1954. Среди более новых зарубежных работ, посвященных специально данному вопросу, отметим следующие: A. Safrastian, *Rusas — Sargon battle (714 B. C.) in the light of topography*, III, «Massis», 5, стр. 17—21; U. A. Rigg, *Sargons Eighth military campaign*, JAOS, 62 (1942), 2. Некоторые сведения о взаимоотношениях Урарту и Ассирии во время правления царя Саргона II можно найти также в недавно открытых материалах ассирийского архива в Нимруде — см. С. I. Gadd, *Inscribed prisms of Sargon II from Nimrud*, «Iraq», XVI (1954), 2, стр. 173—201.

² Некоторых событий в истории урартского государства VII в. касаются в своих статьях Г. А. Меликишвили (Сообщения АН Груз. ССР, XI, № 10, 1950) и Н. М. Дьяконов (ВДИ, 1951, № 2).

Из летописи Сардури II известно, что в 50—40-х гг. VIII в. до н. э. одним из объектов неоднократных набегов урартских войск были районы озера Севан. Здесь урарты захватывали и разрушали крепости, сжигали поселения, угоняли скот, уводили в рабство население (УКН, 155-D, F; УКН, 156-D1 + D2). На одни «страны», правители которых изъявляли покорность, накладывалась дань (УКН, 155-F), другие, по всей вероятности, опустошались до конца, причем вместе с населением уводились в рабство и местные правители (УКН, 160). Однако в источниках нет указаний на то, что урартские завоеватели уже в 50—40-х гг. VIII в. прочно закрепились на берегах Севана. В районе озера нет урартских крепостей, построенных при Аргишти или Сардури, а в клинописных памятниках нет свидетельств того, что уже в это время побережье Севана было включено в состав Ванского царства. Завоевание и прочное освоение этих территорий даже для урартских войск, по своей организации и вооружению стоявших на высоком уровне³, было делом весьма нелегким.

Клинописные тексты времени Сардури II сообщают о неоднократных походах урартских войск против одних и тех же стран, что является ярким подтверждением решительного и упорного сопротивления со стороны местного населения. Когда после очередного набега урартские войска уходили, местное население, получив некоторую возможность оправиться, вновь восстанавливало свою независимость, и урартам через некоторое время опять приходилось совершать поход против непокорных стран. Самое большее, чего смогли добиться здесь урарты во времена Сардури, это признание со стороны отдельных местных правителей, называемых в урартских текстах царями (например, со стороны царя страны Уеликухи — Нидини), гегемонии Урарту и обязательства выплачивать дань (УКН, 155-F).

Однако при первом же удобном случае, каким без сомнения явилось жестокое поражение, нанесенное Ванскому царству Ассирией в 735 г. до н. э., население Уеликухи, по всей вероятности, попыталось освободиться от этих обязательств. Подобным же образом, используя военные затруднения Ванского царства на южных и юго-западных границах, по видимому, поступили и другие присеванские области.

Перед Русой I, сыном Сардури⁴, с самого начала его правления, таким образом, встала задача не только восстановить прежнее положение Ванского царства в присеванском районе, но и предотвратить в дальнейшем попытки освобождения населения этих областей от урартской власти. Решения этой задачи можно было добиться только путем постройки здесь крепостей — опорных пунктов власти урартского государства⁵. И действительно, только в годы правления Русы I в присеванском районе

³ См. Б. Б. Петровский, Кармир-блур, III, Ереван, 1955, стр. 24—46; ср. С. М. Бациева, ВДИ, 1953, № 2, стр. 25—27; Меликишвили, Напри-Урарту, стр. 360—361.

⁴ Мы не можем согласиться с Г. А. Меликишвили (см. ВДИ, 1954, № 1, стр. 248; «Напри-Урарту», стр. 277—278), считающим, что Сардури II стал жертвой государственного переворота, в результате которого, опираясь на поддержку определенной партии урартской аристократии, на престол вступил его сын Руса I. Доводы, выдвинутые в свое время Б. Б. Петровским (ВДИ, 1939, № 1, стр. 68) против гипотезы об узурпации престола Русой I, действительны и в данном случае, поэтому более вероятной мне представляется мысль, что Руса I стал правителем Ванского царства после естественной смерти Сардури (учитывая достаточно длительное время правления последнего). Нельзя исключить и гипотезу о том, что Сардури мог добровольно или под определенным давлением, еще при своей жизни, передать власть сыну.

⁵ В. В. Шлеев, Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения. Автореферат диссертации, М., 1954, стр. 11.

появляются урартские крепости — «город бога Халди» и «город бога Тейшебы». Точного указания на время построения этих крепостей мы в источниках не имеем⁶, но с достаточной уверенностью можем предположить, что они были сооружены в конце 30-х или в первую половину 20-х гг. VIII в. до н. э., то есть в первый период правления царя Русы, сына Сардури⁷. Возможность широких завоевательных операций и строительство крепостей в районе Севана во второй период правления Русы I, когда требовалось напряжение всех сил государства не только для борьбы против внешних врагов (киммерийцев и ассирийцев), но и для подавления восстаний наместников, представляется нам мало вероятной.

По-видимому, прежде других стран западного и южного побережья Севана, после почти двадцатилетней упорной борьбы, окончательно покорена была страна Уеликухи, расположенная в центральной части западного побережья (совр. Нор-Баязетский район Арм. ССР). Из текста обнаруженной здесь надписи (УКН, 265) ясно видно, что теперь страна Уеликухи не только терпит военное поражение и подвергается беспощадному ограблению, как было в предшествующие времена, но прочно включается в состав Ванского царства. Местный правитель был взят в плен и обращен в рабство. В этот район был назначен урартский наместник, резиденцией которого и должна была служить мощная крепость города бога Халди, о построении которой сообщается в надписи. Остатками крепостных сооружений урартского закавказского города бога Халди являются обнаруженные на холме Бердиглук, господствующем над современным городом Нор-Баязетом, кладки древних стен, из которых происходит камень с упомянутой выше урартской надписью. Этот важнейший пункт урартской власти в районе Севана, к сожалению, до сих пор не подвергался систематическим археологическим раскопкам, в силу чего многие существенные вопросы истории завоевания урартами севанского побережья не могут быть пока достаточно выяснены. Однако некоторые отдельные наблюдения, полученные при разведках, и в частности обнаруженный здесь еще И. И. Мещаниновым сравнительно небольшой «однородный культурный слой мощностью в 65 см, в верхние пласты которого врезаются уже армянские погребения»⁸, — позволяют высказать предположение о сравнительно кратковременном функционировании этой крепости.

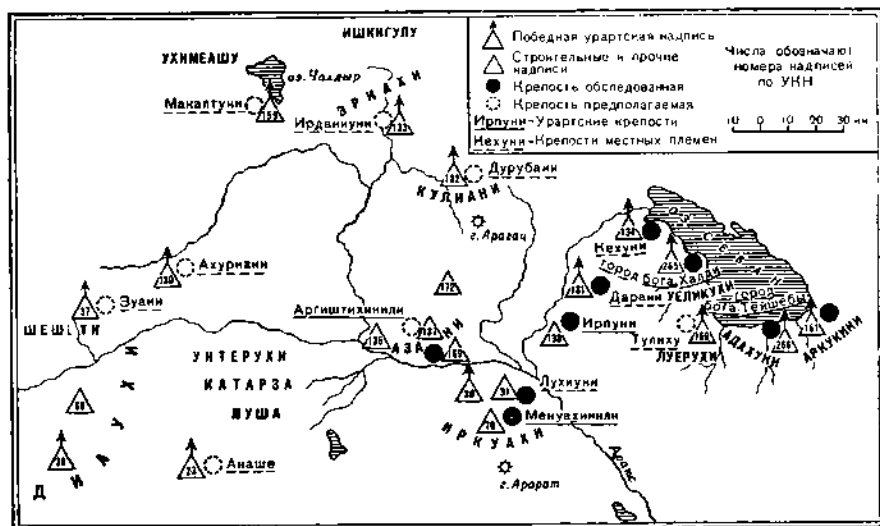
Другим урартским центром в присеванском районе была «крепость бога Тейшебы», о построении которой мы находим сообщение в урартской клинообразной надписи, высеченной на скале у юго-западного побережья Севана, между сел. Цовинар (быв. Келагран) и Неркин-Алучалу. Надпись эта (УКН, 266), а также расположенные над ней, на скале, развалины урартской крепости, называемые местным населением Одаз-берд (Змеиная крепость), обратили на себя внимание уже давно, хотя широкие

⁶ Если не считать этим указанием не достаточно ясное выражение *me-ši-ni šá-a-li* (УКН, 266, стк. 14), перевод которого вызывает разногласия специалистов, см., например, Гр. К а л а н ц я н, Халдская надпись из Келагран, Эривань, 1931, стр. 11; И. И. М е щ а н и н о в, Восточное Закавказье времен халдских завоеваний, ВДИ, 1937, № 1, стр. 77; П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 100; Г. А. М е л и к ш в и л и, ВДИ, 1953, № 4, стр. 218 (УКН, 266).

⁷ См. В. В. Ш л е е в, Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения (текст диссертации в Гос. б-ке им. В. И. Ленина), М., 1954, стр. 218, 271. К подобным же выводам относительно датировки этих событий одновременно с нами пришли Г. А. М е л и к ш в и л и, Наври-Урарту, стр. 268, и А. А. Б а р а м и д з е, ук. соч., стр. 10.

⁸ И. И. М е щ а н и н о в, Циклопические сооружения Закавказья, ИГАИМК, XIII, вып. 4—7 (Л., 1932), стр. 10.

археологические раскопки здесь до сих пор не проводились⁹. Текст надписи, неоднократно издававшийся, дает ценнейшие материалы для характеристики завоевательной политики Урарту в присеванском районе в первые годы правления Русы, сына Сардури. Еще М. В. Никольский на основании ее изучения выдвинул ряд положений, отчасти не утративших своего значения и поныне¹⁰.

Проделанная в дальнейшем большая работа по обследованию и изучению текста этой надписи как путем снятия новых эстампажей, так и непосредственной работы над подлинником¹¹, а также находка упомянутой выше урартской надписи из Нор-Баязета, помогли уточнить не только чтение самой Одзабердской надписи, но и местоположение ряда упоминаемых в ней стран, разделенных на две группы. Теперь уже не вызывает сомнений, что не только страна Аркуики, как думал М. В. Никольский, но и все четыре страны первой группы, упоминаемые в Одзабердской надписи — Адахуни, Уеликухи, Луерухи, Аркуики, — есть страны западной и южной части севанского побережья¹². Три страны из этой группы, а именно, Уеликухи, Луерухи и Аркуики, — определенно локализируются местными урартскими победными надписями (УКН, 265; УКН, 160—161) в присеванском районе (см. карту). Страна Уелику-

⁹ Лишь в 1932 г. сотрудниками ГАИМК, а затем в 1934 г. экспедицией Гос. Эрмитажа было проведено более или менее систематическое обследование этой крепости с небольшими раскопочными работами (см. Б. П и о т р о в с к и й и Л. Г ю з а л ь я н, Крепости Армении доурартского и урартского времени, «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 57; они же, *Kyklopische Festungen am Südufer des Sevansees*, «Сборник кружка по изучению древнего Востока при Гос. Эрмитаже», 1933, № 1/8, стр. 39—51). Отчет о работе экспедиции Гос. Эрмитажа на Одзаберде в 1934 г. не опубликован. Отдельные сведения о работах этой экспедиции содержатся в различных трудах Б. Б. Пиотровского.

¹⁰ М. В. Н и к о л ь с к и й, Клинообразные надписи Закавказья (МАК, V), М., 1896, стр. 122—127.

¹¹ О работе по обследованию и изучению Одзабердской надписи см. П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 99—100; П. Н. У ш а к о в, ВДИ, 1946, № 2, стр. 39—42.

¹² См. работы Гр. Капаняца, И. И. Мещанинова, И. Фридриха, Б. Б. Пиотровского, П. Н. Ушакова, Г. А. Меликишвили.

хи—в районе Нор-Баязета, Луерухи-Луехухи-Луипруни—где-то в районе сел. Адамхан, наконец Аркукини к западу от сел. Цовак (Загалу).

Единственной страной, среди упомянутых в первой группе, не имевшей точной локализации в местных надписях, была Адахуни, стоящая в Одзабердской надписи в начале перечня всех стран этой группы. Б. Б. Пиотровский, а за ним и Г. А. Меликишвили, полагавшие, что в Одзабердской надписи присеванские страны первой группы перечислены соответственно завоевательному движению урартского войска, т. е. с севера на юг по западному побережью, а затем с запада на восток по южному, считали, что страна Адахуни находилась севернее Уеликухи в районе сел. Лчашен (Ордаклю)¹³. Это предположение кажется мне неубедительным. Район сел. Лчашен, где Б. Б. Пиотровский ранее склонен был локализовать страну Адахуни, им самим в более поздней работе, согласно находящейся там надписи (УКН, 134), определен, как страна города Кехуни¹⁴. В той же надписи упоминаются и другой пункт — город Иштикунив, а в летописи Аргишти (УКН, 128-А2) — еще и город Алишту, тоже, по-видимому, находящиеся в районе северо-западного побережья Севана. Трудно предполагать, что здесь же находилась еще и страна Адахуни, имени которой мы не встречаем ни в надписи из Лчашена, ни в летописи Аргишти.

Для локализации страны Адахуни существенное значение имеет тот контекст, в котором она упоминается в урартских надписях. В Одзабердской надписи, как уже отмечалось, эта страна стоит в одной группе с тремя другими странами (Уеликухи, Луерухи, Аркукини), локализуемыми местными надписями на западном и южном побережье Севана. Именно это обстоятельство является некоторым основанием для того, чтобы включать Адахуни в число присеванских стран.

Для более точной локализации этой страны, как мне кажется, некоторый материал дает летопись Сардури (УКН, 155-Г). Так, повествуя о походе урартских войск в присеванский район, который, по мнению Г. А. Меликишвили, был предпринят, примерно, в 740—739 г., летопись, после рассказа о покорении страны Уеликухи (УКН, 155-Г, стк. 15—21), сообщает о новом, отдельном походе против расположенной в юго-восточной части побережья Севана страны Аркукини (УКН, 155-Г, стк. 21—26). Во время этого похода, по свидетельству летописи, урартские войска побеждают страны Аркукини, Адахуни, Луипруни, Эшума, Камнив, Куалбани, Ухуни, Териани, захватывают с боем 20 крепостей и 120 поселений, разоряют «страны», разрушают крепости, сжигают поселения, угоняют в плен жителей. Весьма показательно, что среди упомянутых здесь «стран», локализация которых определена по местным надписям, мы встречаем только Аркукини и Луипруни, т. е. «страны», расположенные в юго-восточной и юго-западной части побережья Севана. «Страны» западного и северо-западного побережья, например, Уеликухи, здесь не упоминаются. Это дает основание полагать, что летопись в данном месте сообщает только о походе против «стран» южного побережья Севана. Помещение Адахуни, при перечислении побежденных стран в тексте летописи, между Аркукини и Луипруни, наводит на мысль, что и в действительности страна Адахуни располагалась между этими странами, т. е. в центральной части южного побережья Севана.

Эти соображения подкрепляются наблюдениями над самой местностью центральной части южного побережья озера Севан. Как я имел возможность заметить во время поездки в 1949 г. по этому району, горы здесь спуска-

¹³ Пиотровский, Урарту, стр. 101; Меликишвили, ВДИ, 1954, № 1, стр. 225; он же, Наир-Урарту, стр. 69.

¹⁴ Пиотровский, Кармир-блур, II, Ереван, 1951, стр. 52.

ются к побережью широкими пологими террасами, и в озеро Севан впадает значительное число небольших речек. Местность представляется весьма удобной для земледелия¹⁵. По всей вероятности, в древности она была плотно заселена, на что указывают значительные могильники, и занимала немаловажное положение среди других присеванских стран. Характерно также, что эта местность, представляющая собой центральную часть совр. Мартунинского р-на Арм. ССР, отличается по природным условиям от соседних, примыкающих с запада и востока территорий. Однако именно она и оказывается белым пятном при предложенной Б. Б. Пиотровским локализации присеванских стран¹⁶ на основании данных Одзабердской надписи, найденной как раз на восточной границе этой области.

Учитывая все эти обстоятельства, я склонен присоединиться к Г. А. Капанцяну, который еще в 1931 г. считал, что Адахуни далеко не случайно названа в Одзабердской надписи первой среди четырех главных стран присеванского района¹⁷. Этим урартский писец нарочито хотел выделить на первый план ту страну, на территории которой была высечена надпись. Таким образом, страну Адахуни нужно, видимо, локализовать в центральной части южного побережья Севана, на территории современного Мартунинского р-на Арм. ССР, а в районе Одзаберда, по всей вероятности, усматривать восточную границу этой страны.

Тексты Нор-Баязетской и Одзабердской надписей (УКН, 265—266), результаты обследования крепостей, связанных с этими надписями, а также наблюдения за характером местности, где они располагались, наводят на мысль и о некотором различии функций, выполняемых одновременно существовавшими урартскими укреплениями на холме Берди-глух («город бога Халди») и на Одзаберде («город бога Тейшебы»).

«Город бога Халди» представляется мне административным центром всего завоеванного урартами Севанского района. Здесь помещался урартский наместник, здесь был сооружен храм бога Халди («Ворота бога Халди»). Сама крепость на холме Берди-глух по своим размерам была более значительна, чем Одзабердская крепость, и к тому же имела систему сторожевых укреплений. Наконец, район западного побережья Севана, где располагался «город бога Халди», находился ближе к Айратской долине, надежно освоенной урартами, был связан с ней несколькими путями. Это обстоятельство, конечно, также учитывалось урартами, строившими свои опорные пункты в вновь завоевываемых областях. «Город бога Тейшебы», напротив, по моему мнению, являлся крайним форпостом урартской власти в районе Севана, крепостью, защищавшей границы захваченных урартами территорий. На это, прежде всего, указывает его положение именно в той части южного побережья Севана, где кончается низменная полоса и горные остроги подходят почти к самому

¹⁵ В этом районе, на полях к западу от Одзабердской крепости Б. Б. Пиотровский нашел обломок обсидианового вкладыша серпа, что дало ему возможность предположить, в связи с отсутствием здесь древнего поселения, наличие в этой местности и в древности обрабатываемых полей (см. П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 196—197).

¹⁶ Локализация в этом районе страны Кумерухи, будто бы упоминаемой в Одзабердской надписи (см. П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 101), является плодом недоразумения. Сам Б. Б. Пиотровский в своих работах, приводя текст Одзабердской надписи («Урарту», стр. 100; ВДИ, 1939, № 1, стр. 69), правильно отказался от старого ошибочного чтения имени третьей страны в первой группе стран, как Кумерухи, и принял новое, правильное ее чтение — Луерухи. Однако буквально на следующей странице той же самой книги, а затем и в последующих своих работах (Б. Б. П и о т р о в с к и й, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 103; он же, Кармир-блур, I, 1950, стр. 11) он без достаточных оснований возвращается к неправильному чтению имени этой страны.

¹⁷ Гр. К а п а н ц я н, Халдская надпись Русы I..., стр. 8.

побережью. В Одзабердской надписи нет сведений о построении здесь храма, о назначении сюда наместника; нет сведений в урартских клинописях и о построении крепостей восточнее этого пункта. Самые следы пребывания урартских войск восточнее Одзаберда, по имеющимся в настоящее время материалам, ограничиваются только победной надписью Сардури у сел. Цовак (УКН, 161), тогда как расположенная здесь же крепость не может быть с достаточным основанием отнесена к урартским укреплениям.

Таким образом, следует признать, что в последней четверти VIII в. до н. э. граница захваченных урартами территорий проходила по южному побережью Севана и крепость «города бога Тейшебы» являлась урартским опорным пунктом почти на этой границе. Восточнее «города бога Тейшебы», в гористом районе между Одзабердом и сел. Цовак, располагалась крайняя из завоеванных урартами стран — Аркукини, а еще далее на восток и по побережью Севана, уже на север, в Мазринской (Гилльской) равнине находилась страна Уртехины, до которой доходили еще войска Сардури (УКН, 161), но о завоевании которой нет упоминания в тексте Одзабердской надписи.

Существенной проблемой историко-географического порядка, которая возникает при изучении Одзабердской надписи, является локализация упомянутых здесь 19 стран — Гуркумели, Шанатуаини, Терпуишаини, Ришуаини, (?) зуаини, Ариаини, Замани, Иркиматарни, Элаини, Эриелтуаини, Андаманиуни, Гуриаини, Алзирани, Пируаини, Шилаини, Уидуаини, Атезаини, Эриаини, Азмеруини, — объединенных во вторую группу (УКН, 266, стк. 6—13). Установление точного местоположения этих стран до сих пор вызывает значительные затруднения.

Имеется мнение, разделяемое рядом исследователей, что эти 19 стран располагались к востоку и северо-востоку от озера Севан, в горах Малого Кавказа, частично на современной территории Азербайджанской ССР¹⁸.

Однако до сих пор, несмотря на поиски, в районах к востоку и северо-востоку от озера Севан не обнаружено никаких урартских клинописей, а зафиксированные так называемые циклопические крепости по всем своим признакам являются местными, а не урартскими постройками¹⁹. Кроме того, среди 19 стран второй группы Одзабердской надписи нет упоминания «страны» Уртехины (см. УКН, 161), по всей вероятности, граничившей с востока со «страной» Аркукини. Все это возбуждает сомнения относительно продвижения урартских войск на восток и северо-восток от сел. Цовак (Загалу).

Совсем мало убедительными кажутся мне высказывавшиеся отдельными исследователями предложения рассматривать Одзабердскую надпись как сводную летопись урартских завоеваний по всему Закавказью²⁰, или даже, как сообщение о всех походах в течение одного года правления царя Русы, сына Сардури²¹. Против этих предложений, как мне кажется, прежде всего свидетельствует самый текст надписи. Так, при всех разногласиях в переводах выражений *i-na-ni ar-ti-ni su-i-ni-a[ni]* (стк. 5),

¹⁸ Например, Мещанинов, ВДИ, 1937, № 1, стр. 76; Ушаков, ВДИ, 1946, № 2, стр. 41—42.

¹⁹ И. Джафар-заде, Циклопические сооружения Азербайджана, Т. Аз. ФАН СССР, 55 (1938), стр. 5—54. В работе приведены описания и планы обследованных автором циклопических сооружений Азербайджана, а также карта их распространения.

²⁰ М. В. Никольский, МАК, V, стр. 123—126.

²¹ Выдвинувший эту точку зрения Б. П. Петровский, ВДИ, 1939, № 1, стр. 69, указывал на возможность сопоставлений ряда стран Одзабердской надписи со странами, упоминающимися в ассирийских и других урартских текстах: Замани = ассир. Вит-Замани, Алзирани = ассир. Алза, Гуриаини = Куриаини летописи Сардури.

и i-ša-ni ar-ti-ni su-i-ni-a-ni ŠADU ba-ba-ni-a [k]u-gu-ni-e (стк. 12—13), очевидно, что оба эти выражения определяют какую-то связь, как первой, так и второй группы «стран» Одзабердской надписи с озером (su-i), в данном случае с озером Севан. Таким образом, ясно, что предположения о локализации каких-либо «стран» второй группы вне пределов Закавказья или даже и в его пределах, но на большом расстоянии от севанского района, находятся в противоречии с указанием надписи.

Кроме того, ни в одной из так называемых местных урартских надписей нет сводных описаний побед урартских войск над странами, находящимися на значительном расстоянии друг от друга, и, тем более, на противоположных границах государства. Такие описания встречаются только в царских летописях, находившихся в Тушпе. Положение «города бога Тейшебы» (Одза-берд), расположенного на северной окраине государства, который был пограничной крепостью, даже не резиденцией наместника (!), едва ли создавало особые условия для составления именно здесь, на берегах Севана, сводной летописи походов урартских войск на различных границах, хотя бы и за один год.

Наконец, Г. А. Капанцян предлагал помещать все эти 19 стран в районе Севана, считая их мелкими единицами, входящими в четыре основные крупные присеванские области. Однако и эта гипотеза имеет свои уязвимые места, особенно в свете предлагаемого И. Фридрихом²² и в основном принимаемого И. И. Мещаниновым и Г. А. Меликишвили²³ перевода соответствующих мест Одзабердской надписи (стк. 5 и 12—13), — «по эту сторону озера» и «по ту сторону озера». Принятие этого перевода открывает возможность размещения 19 «стран» второй группы не только в районах западного и южного побережья Севана, но также и к востоку и северу от этого озера.

Окончательное решение данного вопроса, как мне представляется, зависит не только от прогресса в чтении урартских текстов, но и от развертывания широких обследовательских археологических работ вокруг Севана, которые могут обнаружить новые памятники, и в частности урартские победные надписи.

Рассмотренные выше материалы, касающиеся урартских завоеваний в Закавказье во второй половине VIII в. до н. э., как нам кажется, позволяют утверждать, что закрепление урартской власти на берегах оз. Севан и постройка в этом районе урартских крепостей относятся к первой половине правления Русы I. Очевидно также, что в эти годы было основано и новое урартское наместничество в присеванском районе, центром которого был «город бога Халди». Связывать эти события с предполагаемой Б. Б. Пиотровским реформой урартского административного управления в Закавказье, произведенной после нападения на Урарту киммерийцев и подавления мятежа наместников, нет достаточных оснований.

2. ВОПРОС ОБ УРАРТСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЕ В КОНЦЕ VIII в. до н. э.

Уже на начальном этапе изучения материалов, полученных при раскопках Кармир-блур, Б. Б. Пиотровский выдвинул предположение, что г. Аргиштихинили, являвшийся при царях Аргишти и Сардури (VIII в. до н. э.), по его мнению, единственным урартским административным центром в Закавказье, при Русе, сыне Сардури (конец VIII в.), потерял это свое

²² J. Friedrich, Die urartäische Inschrift von Kolagran, «Acta Jutlandica», IX (1937), стр. 518—536.

²³ Мещанинов, ВДИ, 1937, № 1, стр. 75—77; Меликишвили, ВДИ, 1953, № 4, стр. 218.

значение, пришел в упадок²⁴. Этот упадок Аргиштихинили, по мнению Б. Б. Пиотровского, был связан с мероприятиями центрального урартского правительства, направленными против чрезмерного усиления власти урартских наместников на окраинах царства, и в первую очередь, с реформой административного управления, выразившейся в разукрупнении единого урартского наместничества в Закавказье.

Однако сведения письменных источников о системе урартского административного управления в Закавказье чрезвычайно скудны²⁵. В надписях конца VIII века, связанных с Закавказьем, только один раз упоминается урартский наместник (L^UEN.NAM, ассир. bêt-pahâti), назначенный в «город бога Халди» (УКН, 265), но, как было показано выше, образование урартского наместничества в районе Севана в конце 30-х и первой половине 20-х гг. VIII в. следует связывать не с разукрупнением общезакавказского наместничества (до этого времени присеванский район не был включен в состав Урартского государства), а с прочным завоеванием этих мест, с постройкой здесь урартских крепостей.

В выяснении вопроса о характере урартской власти в Закавказье существенную роль могут сыграть материалы, полученные в последние годы, и в частности исследования крепости Ирпуни. Становится все более и более ясным, что кроме Аргиштихинили даже в Айраратской долине в первой половине VIII в. до н. э. существовали другие крупные урартские центры, например, построенная в конце 80-х или в начале 70-х гг. VIII в. до н. э., на четвертом или пятом году правления царя Аргишти²⁶, крепость Ирпуни, откуда снаряжались походы в район озера Севан²⁷.

Не случайно о построении Ирпуни в летописи Аргишти (УКН, 128, А2, стк. 13—22) повествуется непосредственно вслед за сообщением о походе против страны города Кихуни, находящейся в районе северо-западного побережья озера Севан. Эти два события, по-видимому, были тесно связаны между собой и под «вражеской страной», для усмирения которой был построен Ирпуни, как записано и в летописи Аргишти и в надписи, найденной на месте этого города (УКН, 138), следует подразумевать еще непокоренные урартами племена, жившие к северу от Ирпуни и на берегах Севана. Месторасположение Ирпуни у начала дороги, ведущей из Айраратской долины к побережью Севана, на которой были найдены урартские победные надписи (УКН, 131 и 134), давно уже наводило ученых на мысль о непосредственной связи Ирпуни (Арин-берда) с урартскими завоевательными походами в присеванский район²⁸. Вместе с тем достаточно знаменателен сам факт упоминания о постройке Ирпуни в летописи Аргишти. Вероятно, сооружению этой крепости на северных гра-

²⁴ С. В. Тер-Аветисян и Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, ИАИрм. ФАН СССР, 1940, № 4—5, стр. 161—162. Это мнение см. и в целом ряде других, более поздних трудов Б. Б. Пиотровского, откуда оно попало в учебник (см., например, В. И. Авдиев, История древнего Востока, М., 1953, стр. 477).

²⁵ О системе административного деления Урартского государства—см. Меликишивили, Наир-Урарту, стр. 357—359. Имея в виду сообщение ассирийских источников о наличии в Урарту одних и тех же крупных областей, как до похода Саргона 714 года, так и во время этого похода, Г. А. Меликишвили (ВДИ, 1953, № 3, стр. 111—112) также оспаривает мнение Б. Б. Пиотровского о реформе по разукрупнению административных областей Урарту в последней четверти VIII в.

²⁶ В датировке времени правления царя Аргишти I я придерживаюсь точки зрения Г. А. Меликишвили (см. ВДИ, 1954, № 1, стр. 227), хотя недавно И. М. Дьяконовым была сделана попытка внести здесь некоторые коррективы (см. ВДИ, 1956, № 2, стр. 68—70).

²⁷ См., например, Г. А. Меликишвили (ВДИ, 1953, № 3, стр. 112); он же, Наир-Урарту, стр. 260; И. М. Лосева, Раскопки урартской крепости города Ирпуни, СВ, 1955, № 3, стр. 145.

²⁸ Никольский, МАК, V, стр. 98.

ницах государства придавалось очень большое значение, так как упоминания о постройках отдельных крепостей, да еще и с некоторыми подробностями, в летописях урартских царей встречаются довольно редко.

Занимая площадь около 6 га на вершине Арин-берда и, быть может, включая некоторые территории рядом с холмом, Ирпуни²⁹ имел большой храм бога Халди, с арсеналом при нем (u-gi-iš-hu-si-ni «дом оружия»), где хранились не только бронзовые щиты с названием этого города, но и другие votивные бронзовые предметы с именами урартских царей VIII века (шлемы, колчаны, панцирь, наконечники стрел, бронзовые чаши)³⁰.

То, что на votивных бронзовых предметах, найденных на Кармир-блуре, встречается только название Ирпуни и нет названия какой-либо другой урартской крепости VIII века, например, Аргиштихинили³¹, а также территориальная близость Ирпуни к Кармир-блuru, позволяют думать, что подавляющее большинство предметов этого рода, изготовленных в VIII в. до н. э., попало в Тейшебаини именно из Ирпуни. Эти предметы не являлись вещами повседневного употребления, а, очевидно, имели культовое предназначение. Показательно, что большинство из них датируется как раз тем периодом, когда Ирпуни находился в расцвете и играл важную роль в походах урартских войск в район Севана.

Наряду с Ирпуни, среди урартских центров VIII века, находившихся в Айраратской долине, важное место занимал и Аргиштихинили. О сооружении Аргиштихинили сообщают не только строительная надпись, найденная в г. Октемберян (прежде с. Сардарабад) (УКН 137), но и текст летописи царя Аргишти (УКН, 127, стб. IV, стк. 70—74; УКН, В2, стк. 39—43), относящийся, по мнению Г. А. Меликишвили, к 11-му году правления этого царя (ВДИ, 1953, № 3, стр. 232), т. е. примерно к середине 70-х гг. VIII в.

Таким образом, получается, что Аргиштихинили был построен на шесть лет позже, чем Ирпуни, в то время, когда Айраратская долина была окончательно завоевана, а занимавшие соседние области враждебные племена, грозившие набегами, устрешены и приведены в покорность.

Показательно, что о построении Аргиштихинили сообщается именно в связи с мирной деятельностью урартских завоевателей в Айраратской долине, в частности, в связи с проведением оросительных каналов, устройством садов и виноградников³². Естественно, что деятельность, связанная с эксплуатацией природных богатств и населения Айраратской долины, одной из плодороднейших долин Армянского нагорья, могла развиваться только при условии надежной защиты этого района в военном отношении. Организации обороны этого района и были, по-видимому, посвящены те шесть лет, которые отделяют время основания Ирпуни от времени построения Аргиштихинили.

Однако имеющиеся пока источники не дают оснований утверждать, как это делает Г. А. Меликишвили, что Аргиштихинили имел в деле освоения Айраратской долины меньшее значение, нежели Ирпуни, и что если в VIII в. в Айраратской долине и существовал один административный центр, то это был, по-видимому, не Аргиштихинили,

²⁹ Разбор всех опубликованных (к 1954 году) и некоторых найденных нами в 1948—1949 гг. материалов из Ирпуни см. в нашей работе «Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения» (текст диссертации в Гос. б-ке им. В. И. Ленина в Москве).

³⁰ П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, II, стр. 49—64; он же, Кармир-блур, III, стр. 8 слл.

³¹ Ср. П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, II, стр. 9.

³² На это обстоятельство впервые обратил внимание Г. А. Меликишвили (см. ВДИ, 1953, № 3, стр. 112).

а именно Ирпуни³³. Специальное сообщение о постройке Аргиштихинили в царской летописи, находившейся в столице Ванского царства, свидетельствует, что урарты придавали этому факту не менее важное значение, чем основанию Ирпуни. В годы, когда строится Аргиштихинили, перед урартской государственной властью в Закавказье наряду с задачами завоевательными встают задачи хозяйственной эксплуатации захваченных районов, и, по всей вероятности, преимущественному их осуществлению должен был служить урартский центр Аргиштихинили.

Что же касается возможностей существования одного или нескольких урартских административных центров в Закавказье, и в частности в Айраратской долине, в годы правления Аргишти и Сардури, то, несмотря на сравнительно скудные данные, имеющиеся пока для решения этого вопроса, более вероятным мне кажется последнее предположение. Действительно, рассмотренные выше материалы, характеризующие Ирпуни, показывают, что на протяжении VIII в. это город играл весьма важную роль в планах урартских завоеваний Севанского района. Вполне вероятно, что другой подобный же центр находился где-либо у начала пути из Айраратской долины на северо-запад в страну Эриахи, вверх по течению реки Касах, через Апаранское ущелье. Пока еще недостаточно обследованные развалины древних крепостей близ сел Арагац и Агавнатун Эчмиадзинского р-на, которые в свое время связывались Т. Торомаяном с урартским строительством, могут быть остатками именно такого центра³⁴.

Возможно также, что урартская крепость находилась и в районе селений Талиш-Шамирап. В 1912 г. в урочище Ванка-Хараб была найдена урартская надпись (УКН, 172-В). «Ясно, — писал Г. Овсепян в письме к Н. Я. Марру, — что в эпоху клинописи здесь была крепость, и можно ожидать появления еще других клинообразных надписей. Крепость продолжала существовать и в христианский период»³⁵. Из сел. Талиш дорога по южному и западному склонам горы Арагац ведет к Леникану, т. е. в район древней страны Эриахи. Конечно, до систематического археологического обследования остатков крепостей близ сел. Арагац, Агавнатун и Талиш, до возможного обнаружения там клинообразных надписей, дающих материал для точной датировки, трудно утверждать, что там действительно находились урартские крепости VIII века до н. э., однако, даже не принимая их в расчет, ограничившись материалами Ирпуни и Аргиштихинили, очевидно, что представление о Аргиштихинили, как основном и единственном урартском административном центре Закавказья, действительно устарело³⁶. Что же касается вопроса о наличии каких-либо твердых данных, позволяющих утверждать, что в VIII в. до н. э. при царях Аргишти и Сардуре в Закавказье или хотя бы в Айраратской долине существовало одно большое урартское наместничество с центром в Аргиштихинили, которое при Русе I подверглось разукрупнению, то ответ на этот вопрос, по нашему, мнению, только один — такие данные в настоящее время отсутствуют.

Существенное значение для рассматриваемого вопроса имеют также более точные определения датировок некоторых источников и отдельных

³³ Г. А. М е л и к ш и л и, ВДИ, 1953, № 1, стр. 28; № 3, стр. 112; он же, Наври-Урарту, стр. 260.

³⁴ Т. Т о р о м а я н, Материалы по истории армянской архитектуры, Ереван, 1942, стр. 33—35, рис. 29, 30 (на арм. языке); «Исторические памятники Армянской ССР. III. Вагаршпататский район», Ереван, 1938 (карта); газ. «Коммунист», Ереван, 30. 4. 1955 г.

³⁵ Цитирую по статье И. И. М е щ а н и н о в а в ИАН, VII сер., ООН, 1932, № 4. На наличие урартской крепости в этом районе обращал также внимание Т. Т о р о м а я н, ук. соч., стр. 34—40.

³⁶ М е л и к ш и л и, ВДИ, 1953, № 3, стр. 112.

исторических событий. Говоря об урартской административной реформе, Б. Б. Пиотровский обычно ограничивается тем, что датирует ее временем правления Русы, сына Сардури. Между тем его же ссылки на то, что эта реформа была своеобразным ответом центрального урартского правительства на мятеж, поднятый против царя Русы военачальниками и наместниками, на тот мятеж, о котором подробно рассказывают донесения ассирийских разведчиков из Куюнджикского архива³⁷, как мне кажется, позволяют внести в вопрос датировок этих событий большую точность.

В свое время специально рассматривая материалы Куюнджикского архива, Б. Б. Пиотровский обоснованно отверг мнение Олмстэда о том, что все письма из этого архива, касающиеся Урарту, надо датировать временем не ранее 710 г. до н. э. Б. Б. Пиотровский («Урарту», стр. 104—108) доказал, что в этом архиве, наряду с письмами, относящимися ко времени после построения Дур-Шаррукина (710 г.), когда в Урарту уже правил Аргишти II, сын Русы, хранились и письма-донесения более раннего времени. Вместе с тем, в последние годы было высказано мнение о возможности отнесения отдельных писем из этого архива также и ко времени правления ассирийских царей Тиглатпаласара III и Салманасара V (АВИИУ, стр. 336). Не оспаривая этого мнения в целом, так как мне неизвестна его аргументация, я, однако, позволю себе не согласиться с И. М. Дьяконовым в датировке временем конца правления Тиглатпаласара III одного из писем, сообщающего как раз о восстании наместников в Ванском царстве (НАВЛ, № 646; АВИИУ, 50, 1). В этом отрывке разведывательного донесения нет точных указаний на то, кому оно адресовано, какой ассирийский областеначальник его составлял, и о каком урартском царе идет речь, но зато в тексте упомянут некий Ша-Ашшур-дуббу, который известен также как эпоним 707 года (АВИИУ, 59). Среди писем Куюнджикского архива имеются и несколько писем самого Ша-Ашшур-дуббу царю Саргону (АВИИУ, 50, 32—33), которые, судя по приводимым в них сведениям (постройка Дур-Шаррукина), должны быть отнесены к концу правления этого царя.

Таким образом, более вероятным представляется, что упомянутый выше отрывок разведывательного донесения (АВИИУ, 50, 1), где Ша-Ашшур-дуббу фигурирует в качестве областеначальника, также относится ко времени правления Саргона. Исходя из всего изложенного, я полагаю, что подавляющее большинство писем Куюнджикского архива (если не все?) и в частности донесения, касающиеся борьбы Урарту против киммеров и мятежах внутри страны, составлены уже после вступления на престол Саргона II, т. е. после 722 г.³⁸ В этой связи надо также учесть, что один из основных ассирийских агентов-разведчиков Ашурриссуа, в письмах которого мы находим сообщения о мятежах в Урарту (АВИИУ, 51, 11—13), по-видимому, жил и после смерти Саргона³⁹. Уточняя датировку материалов Куюнджикского архива, можно с достаточным основанием относить те восстания наместников, о которых сообщают доку-

³⁷ П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, II, стр. 8.

³⁸ В связи с уточнениями даты начала правления Русы I (735—733 гг. до н. э.) я датировка некоторых писем из Куюнджикского архива (АВИИУ, 50, 1), я не могу согласиться с И. М. Дьяконовым (см. «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 522) в том, что из сохранившихся донесений ассирийских шпионов в Урарту известны обстоятельства начала царствования Русы I. Датировки материалов Куюнджикского архива касается в своих работах и молодой грузинский урартовед А. Барамидзе, справедливо датирующий те документы, где сообщается о войнах урартов против киммеров и о восстаниях наместников, примерно 718—715 гг. до н. э., см. А. Барамидзе, ук. соч., стр. 11; о н же, К вопросу о датировке проникновения киммерийцев в Переднюю Азию, Сообщ. АН Груз. ССР, XVI, № 8 (1955), стр. 647—654.

³⁹ П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 106.

менты этого архива, ко времени между 722—714 гг. до н. э.⁴⁰, и, следовательно, если административная реформа управления, как полагает Б. Б. Пиотровский, являвшаяся ответом именно на эти восстания, была действительно проведена, то и эту реформу надо датировать примерно тем же самым временем.

Однако имеющиеся в настоящее время сведения по истории Урарту того периода, когда государство было занято борьбой с киммерийцами на северо-западе и с ассирийцами на юго-востоке, делают весьма сомнительным предположение, что центральное урартское правительство в эти годы могло уделять большое внимание внутренним реформам. Сведений о реформах нет и в донесениях ассирийских шпионов, рассказывающих о событиях внутренней жизни Урарту этого периода. Реформированием системы административного управления правители Урарту могли бы заниматься только в предшествующие, более спокойные в отношении внешних событий годы (т. е. в первую половину правления Русы, сына Сардури), но, как было показано выше, все имеющиеся материалы не содержат достаточных оснований для этого предположения.

Важным аргументом, который выдвигается в защиту мнения, что реформа урартского административного управления была действительно проведена в последней четверти VIII в., является упадок ряда урартских центров VIII века, наблюдаемый именно в конце этого века, а также сооружение урартских центров VII века уже на новых местах.

Однако нынешнее состояние наших знаний об исторических судьбах многих урартских центров часто не дает возможности точно ответить на вопрос о том, когда и при каких условиях пришли в упадок, а затем и окончательно пали многие из них. Так, например, то обстоятельство, что в развалинах ряда крепостей (Иркуни, Хайкаберд), где найдены надписи с именами урартских царей VIII века, также обнаружены и стрелы «скифского» типа, датруемые концом VII—VI вв., ясно свидетельствует о существовании этих крепостей в каком-то виде и в VII—VI вв., т. е. вплоть до окончательного падения государства Урарту⁴¹. Не будет ничего невероятного, если при дальнейших раскопках здесь будут найдены также надписи с именами урартских царей VII века. Вместе с тем некоторые уже известные клинописные материалы также свидетельствуют о продолжении существования отдельных урартских центров VIII века на тех же самых местах и в VII в. Так, столица Ванского царства — Тушпа, несмотря на устройство новой царской резиденции Русахинили на Топрах-кала, и в VII в., судя по тексту кешиш-гельской надписи, продолжала существовать на своем прежнем месте. По всей вероятности, как показывает надпись времени царя Русы III, сына Эримены, до самого конца VII в. продолжала существовать построенная еще в первой половине VIII в. урартская крепость на Армавир-блуре. Если бы реформа урартского административного управления действительно была проведена в последней четверти VIII в., то исследователи должны были бы встретиться с теми новыми центрами, которые были построены в годы правления царя Русы, сына Сардури, при проведении этой реформы в жизнь. Но таких

⁴⁰ Вполне возможно, что мятежи имели место в Урарту и после разгрома войск Сардури II ассирийцами, во второй половине 30-х гг., однако кроме известной по ассирийским сообщениям надписи на статуе Русы I в Мусасире, никакими другими источниками об этих событиях мы пока не располагаем. Не исключено также, что некоторые документы Куюнджинского архива сообщают о мятежах, которые происходили в Урарту уже после смерти Русы I, при его сыне Аргишти II.

⁴¹ При раскопках Иркуни в 1956 г., как мне любезно сообщил Б. Б. Пиотровский, была найдена милетская монета, датруемая концом VI — началом V в.; это дает основание думать, что эта крепость в перестроенном виде функционировала и после падения государства Урарту.

центров до сих пор не обнаружено, а воздвигнутые уже на новых местах урартские крепости VII века могут свидетельствовать о каких-то изменениях во внутренней политике Урарту только этого времени (т. е. VII в.), хотя для определения конкретного характера этих изменений наука пока что данными не располагает.

В свете имеющихся фактов нельзя отрицать упадка некоторых урартских центров, начавшегося с конца VIII в., но его объяснение, по моему, надо искать не в весьма сомнительной, не подтвержденной никакими источниками⁴² реформе урартского административного управления в последней четверти VIII в., а в реальном военном разгроме Урарту ассирийскими войсками в 714 г.⁴³

В длительной борьбе с Ассирией Урартское государство истощило свои ресурсы и уже не могло более в столь широких масштабах вести те завоевательные войны, которые оно с успехом проводило в предшествующие годы. Именно в связи с этим, как мне представляется, урарты прекращают продвижение на север, прекращают свою завоевательную деятельность на берегах Севана и в прилегающих районах. Правда, ни ассирийские, ни урартские источники пока что ничего не сообщают о событиях конца VIII — начала VII вв. до н. э. в Закавказье. Слабая изученность таких важных для этого времени памятников, как построенные в последней четверти VIII в. урартские крепости севанского района, также лишает нас возможности достаточно твердо опираться здесь и на археологические материалы.

Однако сопоставление ряда известных нам фактов политической истории Урарту с пока еще весьма скудным археологическим материалом все же, как мне кажется, позволяет сделать некоторые предварительные выводы и по этому вопросу. Так, весьма показательно, что до сих пор не только на такой окраине Ванского царства, как севанское побережье, но и в Айраратской долине не обнаружено надписей с именем преемника Русы I, урартского царя Аргишти II (713—685 гг. до н. э.). Сохранившиеся урартские клинообразные надписи (УКН, 275—277) с именем этого царя (всего только три надписи) все происходят из центральных областей Урарту, причем две из них (УКН, 275 и 276) рассказывают о строительных работах, проводимых в районах, наиболее пострадавших от ассирийских войск⁴⁴.

Восстановление разрушений, причиненных центральной части Урартского царства сокрушительным походом ассирийских войск, по-видимому, привлекало основные силы правителей Урарту на рубеже VIII—

⁴² Ссылка В. Б. Пиотровского на то, что урартская административная реформа была проведена «по примеру Ассирии» (Изв. Арм. ФАН СССР, 1940, № 4-5, стр. 162), в данном случае ничего не доказывает.

⁴³ Обусловленность упадка мощи Урарту в VII в. тем поражением, которое оно потерпело в борьбе с Ассирией во второй половине VIII в. (и в частности в 714 г.), отмечал еще И. И. Мещанинов (ВДИ, 1937, № 1, стр. 76). Что же касается более общих социально-экономических и политических причин упадка Урартского государства, результатом которых, в конечном счете, явились и военные поражения, то на них я специально останавливался в своей работе «Урартские крепости Закавказья и проблема их изучения» (см. автореферат, М., 1954, стр. 14—16, и текст диссертации в Гос. б-ке им. В. И. Ленина в Москве). См. также Барамидзе, ук. соч., стр. 15—16.

⁴⁴ Пиотровский, Урарту, стр. 129—130. Приводимую Г. А. Меликишвили двустороннюю надпись на глиняной булле с Кармир-блур (УКН, 277а), сохранившую только отчество «сына Русы», по моему мнению, вероятнее отнести не к Аргишти II, сыну Русы, а урартскому царю Сардури III, сыну Русы, упомянутому в летописи Ашшурбанипала (АВИИУ, 72, X, 40—50). С этим согласен и В. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 59.

VII вв. до н. э. и этим должно быть объяснено ослабление внимания к районам Закавказья.

При подобных условиях, учитывая постоянные свободолюбивые стремления покоренных племен, не может казаться невероятным предположение о том, что именно в это время, на рубеже VIII—VII вв. до н. э., в районе Севана вместе с урартскими крепостями пала сравнительно недавно, после длительной борьбы, установленная там урартская государственная власть.

Небольшое количество твердо связанных с урартской материальной культурой находок, обнаруженных в этих крепостях, как среди подъемного материала, так и при раскопках (Одза-берд), а также сравнительно небольшой толщины урартский культурный слой этих крепостей не опровергают, а скорее подкрепляют это предположение.

Показательно также, что в севанском районе наиболее поздними среди обнаруженных урартских надписей являются надписи времени правления Русы, сына Сардури (УКН, 265—266). Среди подъемного материала, а также при разведочных раскопках Одза-берда, в противоположность Кармир-блур и Арин-берду, не встречено характерных бронзовых стрел «скифского» типа, что дало бы возможность отодвинуть дату падения присеванских крепостей к рубежу VII—VI вв. до н. э. При осмотре сохранившихся на поверхности остатков крепостей и при разведочных раскопках не были замечены следы пожаров или другие какие-либо явные свидетельства военного штурма. Конечно, они вполне могут быть обнаружены при систематических раскопках, однако в настоящее время, наряду с предположением о падении этих крепостей под ударами восставшего против урартской власти местного населения, имеет право на существование и гипотеза о том, что урартские гарнизоны, узнав о поражении в борьбе с Ассирией и о самоубийстве царя Русы, чувствуя непрочность своего положения и оторванность от основных опорных баз, сами ушли на юг, в Айратратскую долину.

Таким образом, могли быть сокращены и чрезвычайно растянутые коммуникации урартских войск, что в условиях тяжелого военного положения Ванского царства этого времени играло далеко не последнюю роль. Наконец, принятие какой-либо из этих гипотез о времени и условиях падения урартской государственной власти в районе Севана помогает достаточно удовлетворительно объяснить, например, причину утраты крепостью Ирпуни ее прежнего положения. Истощенное в борьбе с Ассирией Урартское государство на рубеже VIII—VII вв. до н. э. лишилось возможности активных наступательных действий и на своих северных границах. Естественно, что прежнее значение Ирпуни, как основной операционной базы для походов на север в район Севана, утрачивается и крепость приходит в упадок. Окончательное падение урартской власти в районе Севана могло только ускорить этот процесс, так как теперь отпала необходимость в поддержании регулярных связей с урартскими присеванскими крепостями, которые, по-видимому, осуществлялись через Ирпуни.

Однако Б. Б. Пиотровский считает, что упадок Ирпуни и перенесение из города и других урартских центров (в частности из Аргиштихинили?) votивных предметов VIII века в ту крепость, где они были обнаружены (в Тейшебадзи), связаны с реформой административного управления Урарту в последней четверти VIII в. до н. э.⁴⁵ Возражающий ему Г. А. Меликишвили выдвигает предположение о том, что «предметы из других урартских крепостей могли оказаться в Тейшебадзи скорее по другим при-

⁴⁵ Пиотровский, Кармир-блур, II, стр. 9.

чинам — вследствие того, что эти крепости подверглись разгрому врагами раньше Тейшебаини; часть спасенного от врагов имущества этих крепостей, по-видимому, была доставлена в Тейшебаини. Этот разгром соседних урартских крепостей мог произойти не только в самом конце существования Урартского царства, но и раньше, например в конце VIII в. — во время крупных вторжений киммеро-скифов»⁴⁶. Наиболее уязвимым местом этих предположений является то, что они удовлетворительно не объясняют, где же находились предметы из урартских крепостей, пришедших в упадок вследствие реформы (Б. Пиотровский) или подвергшихся разгрому врагов (Г. Меликишвили) на протяжении 50 с лишним лет, с конца VIII в. до н. э. до того времени, когда был построен Тейшебаини, т. е. примерно до середины VII в.

Это особенно существенно в отношении предметов из Ирпуни, который находился в непосредственной близости от Тейшебаини, в силу чего мысль о каком-либо промежуточном пункте их хранения кажется весьма мало вероятной.

Вернее всего, что эти предметы находились в Ирпуни вплоть до того времени, когда был построен Тейшебаини, куда они и были перенесены непосредственно со своего первоначального места. Что же касается возможности перенесения в Тейшебаини предметов из других, ранее павших под ударами врагов крепостей, но не в VIII в., а только во второй половине VII или начале VI века⁴⁷, то для положительного или отрицательного решения этого вопроса в настоящее время почти не имеется данных. Та единственная бронзовая чаша, на которой имеется надпись, датируемая, как полагает Г. А. Меликишвили, не временем Русы I, сына Сардури, а временем правления его внука Русы II, сына Аргишти (УКН, 285), могла попасть в Тейшебаини при самых различных обстоятельствах. Если даже согласиться, что упомянутый в тексте надписи на этой чаше «малый город царя Русы» действительно является тем городом, о построении которого сообщает надпись из Маку (УКН, 280), то пока что нет никаких сколько-нибудь твердых оснований считать, что этот последний город пал прежде, чем Тейшебаини⁴⁸.

Завершая рассмотрение некоторых вопросов истории Урарту конца VIII — первой половины VII века, я должен коснуться и еще одного пункта, который, как мне кажется, до сих пор освещался неверно.

Уже со времен работ Леманн-Гаупта и Белька в урартоведении получило широкое распространение представление о том, что в годы правления Русы, сына Сардури, резиденция урартских царей с Ванской скалы была перенесена на Топрах-кала. Леманн-Гаупт ссылаясь на этот перенос царской резиденции, как на важный аргумент, подкрепляющий его мнение об узурпации Русой, сыном Сардури, престола Ванского царства⁴⁹. Б. Б. Пиотровский, соглашавшийся с тем, что царская резиденция была перенесена на Топрах-кала в VIII в., считал, однако, что после тех разрушений, которые причинили ассирийские войска Тиглатпалассара поселению около Ванской скалы, этот перенос был вполне естественен⁵⁰. Позднее он был склонен ставить этот перенос царской резиденции в какую-то связь с

⁴⁶ Предположение Г. А. Меликишвили о разгроме Ирпуни и других урартских крепостей Закавказья киммеро-скифами (?) в конце VIII в. до н. э. (ВДИ, 1953, № 3, стр. 111) лишено достаточных оснований также и потому, что бронзовые стрелы так называемого «скифского» типа из Ирпуни, как и из Кармир-блур, являются датирующим материалом конца VII — VI века до н. э.

⁴⁷ Эту возможность Г. А. Меликишвили почему-то не предусматривает.

⁴⁸ Ср. Меликишвили, ВДИ, 1953, № 3, стр. 111.

⁴⁹ С. F. L e h m a n n - H a u p t, Armenien, II, 2, 1931, стр. 461; 685; 855.

⁵⁰ П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 95—96.

той реформой управления, которую, по его мнению, провел Руса, сын Сардури⁵¹.

Однако, вопреки установившемуся в урартоведении взгляду⁵², я полагаю, что перенос царской резиденции с Ванской скалы на высоты Топрах-кала и сооружение Русахинили, произошло не в последней четверти VIII в. до н. э., а в VII в. до н. э., при Русе, сыне Аргишти. Приводя различные доводы в защиту мнения о переносе урартской царской резиденции в VIII в. до н. э. на Топрах-кала, сторонники данного предположения, как это ни странно, не приводили никаких аргументов, связанных непосредственно с материалами, обнаруженными на самом холме. Между тем материалы с Топрах-кала свидетельствуют против этого мнения. Так, например, самыми ранними надписями, найденными на этом холме, дающими его *terminus post quem*, являются надписи на бронзовом щите (УКН, 282) и на глиняной табличке (УКН, 286), содержащие имя царя Русы, сына Аргишти (685—645 гг. до н. э.). Весь остальной материал, как надписи, так и различные предметы, возможно относятся к еще более позднему времени. Это надписи на бронзовых щитах и других предметах с именем царя Русы, сына Эримены (УКН, 289—296), стрелы так называемого скифского типа, датируемые концом VII — VI в. и т. д. Характерно, что произведения искусства, обнаруженные на Топрах-кала в довольно значительном количестве, также и по стилистическим признакам должны быть датированы VII в. до н. э.⁵³

Итак, уже археологические данные, роль которых в выяснении вопроса о времени переноса царской резиденции с Ванской скалы на Топрах-кала до сих пор не учитывалась, решительно ставят под сомнение, если не опровергают полностью, принятую для этого события дату — последняя четверть VIII в. до н. э. В недавнее время в выяснении этого вопроса на помощь археологии пришла и эпиграфика.

Весьма важным, если не решающим, аргументом в пользу мнения о переносе царской резиденции на Топрах-кала в последней четверти VIII в. до н. э. до сих пор считали текст стелы, найденной к востоку от Вана, около искусственного озера Кешиш-гэль (УКН, 268), повествующий о сооружении этого озера и о проведении от него каналов для города Русахинили, построенного царем Русой. Правда, эта стела, будучи отломана в верхней части, сохранив имя царя Русы, не сообщала имени его отца, однако Бельк, Леманн-Гаупт, а за ними и подавляющее большинство других исследователей считали, что верхней частью этой стелы является камень круглой формы, найденный в Ване, с клинообразной надписью, содержащей полностью имя Русы, сына Сардури (УКН, 267)⁵⁴.

Однако работавший над сводом урартских надписей Г. А. Меликишвили, сопоставляя надписи на кешиш-гэльской стеле (УКН, 268) и на хранящемся ныне в Гос. музее Грузии круглом камне из Вана (УКН, 267), обратил внимание на то, что «знаки в данных надписях имеют отличную друг от друга форму»⁵⁵. В надписи из Вана (УКН, 267) употреблен

⁵¹ П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, II, стр. 8—9.

⁵² Ср. например, Б. Б. П и о т р о в с к и й, Государство Урарту, в кн. «Очерки истории СССР», М., 1956, стр. 208; М е л и к и ш в и л и, Наира-Урарту, стр. 271; N. A d o n t z, Histoire d'Arménie, P., 1946, стр. 240.

⁵³ Б. Б. П и о т р о в с к и й, Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа, ТОВЭ, I (Л., 1939), стр. 60.

⁵⁴ L e m a n n - H a u p t, Armenien, II, 1, стр. 193, сл.; Г. В. Ц е р е т е л и, Урартские надписи Музея Грузии, Тбилиси, 1939, стр. 60; В. Б е л ь к, в основном разделяя эту точку зрения, все же в некоторых работах (V B G A E U, 1899, стр. 613; 1901, стр. 305—306) высказывал некоторые сомнения в ее абсолютной достоверности.

⁵⁵ В Д И, 1953, № 4, стр. 219.

так называемый «урартский» вид письма, характерный для урартских надписей VIII в., тогда как в кешиш-гёльской стеле использована господствующая в урартских надписях VII века «ассирийская» форма знаков⁵⁶. Эти указания весьма компетентного специалиста-кунеолога, имевшего к тому же возможность проверить свои выводы в одном случае на подлиннике надписи, а в другом — на очень хорошем эстампаже, представляются мне весьма важными для решения рассматриваемого вопроса. Сам Г. А. Меликишвили, опираясь на свое наблюдение о различии формы знаков в этих надписях, а также утверждая, что «нет ничего общего между надписями № 267 и № 268 и по содержанию», ставит вопрос о принадлежности этих надписей разным памятникам⁵⁷. Эти соображения Г. А. Меликишвили косвенно в какой-то мере могут быть еще подкреплены и тем, что камни с этими надписями происходят из разных мест, отстоящих друг от друга на расстоянии около 20 км. Перенос камня на такое расстояние, особенно из района Кешиш-гёль в Ван, где имеется достаточно подобного материала из древних построек самого этого города, также представляется маловероятным.

Таким образом, решительно отвергая, вслед за Г. А. Меликишвили, возможность принадлежности этих двух надписей одному памятнику, мы вновь поднимаем вопрос о датировке кешиш-гёльской стелы.

Если не считать эпиграфических признаков — «ассирийской» формы знаков, которые, являясь господствующими в урартских надписях VII века, встречаются наряду со знаками «урартской» формы и в конце VIII века⁵⁸, то прямых указаний для датировки в самом этом памятнике мы не найдем. Он мог бы принадлежать времени Русы I, но, как отмечает и Г. А. Меликишвили, он может относиться и к VII в., ко времени Русы II, сына Аргишти⁵⁹. Тем не менее я полагаю, что сопоставление сведений, сообщаемых этой надписью, с текстом глиняной таблички, найденной на Топрах-кала (УКН, 286), в которой также сообщается о строительных работах в Русахинили⁶⁰, а также с археологическими материалами из самого этого пункта дает возможность более уверенно датировать кешиш-гёльскую надпись VII веком до н. э. Эта датировка кешиш-гёльской надписи, наряду с другими приведенными выше данными, как мне представляется, надежно подкрепляет мнение о том, что и перенос царской резиденции с Ванской скалы на Топрах-кала произошел не в VIII, а в VII в. до н. э., в годы правления Русы, сына Аргишти.

Точный перевод текстов кешиш-гёльской стелы (УКН, 268) и таблички из Топрах-кала (УКН, 286) в настоящее время затруднителен, однако совершенно очевидно, что оба эти документа сообщают о строительных работах, связанных с новой резиденцией урартских царей — Русахинили. Что же касается общего содержания топрах-калинской таблички (УКН, 286), то не исключена возможность видеть в ней как раз документ, прямо свидетельствующий о построении Русахинили при царе Русе,

⁵⁶ ВДИ, 1953, № 1, стр. 248.

⁵⁷ ВДИ, 1953, № 4, стр. 219—220. Говоря о возможности того, что кешиш-гёльская надпись может принадлежать также и времени Русы II, сына Аргишти, Г. А. Меликишвили все же в своем своде надписей и в поздней вышедшей книге «Наиря-Урарту», стр. 270—271, предпочитает оставлять ее среди надписей времени Русы I, сына Сардури.

⁵⁸ ВДИ, 1953, № 1, стр. 248.

⁵⁹ ВДИ, 1953, № 4, стр. 220.

⁶⁰ Текст этой таблички, поступившей в Берлинский музей, до сих пор полностью не издан, и до недавнего времени истолковывался неправильно. Наиболее правильно, по моему мнению, общий смысл этого текста передает Г. А. Меликишвили (ВДИ, 1953, № 4, стр. 235).

сыне Аргишти, в то время, когда «Сагаштара, царь Ишкугулхи, пошел в (на) страну Мана»⁶¹.

Было ли связано построение Русахинили и других урартских центров, сооруженных в VII в. до н. э. при Русе, сыне Аргишти (например, Тейшебали), с реформами административного управления или еще с какими-либо мероприятиями, при имеющихся в настоящее время данных, точно установить нельзя.

Резюмируя проведенный разбор материалов по ряду проблем истории Ванского царства (Урарту), я прихожу к следующим общим выводам.

1. В настоящее время нет достаточных оснований для утверждения о том, что в первой половине VIII в. до н. э. в Закавказье существовало одно крупное урартское наместничество, и тем более, нет данных для того, чтобы центром этого наместничества считать Аргиштихинили.

2. В первые годы правления Русы, сына Сардури (примерно до 722 г.), урарты продолжают свои завоевания в Закавказье (и в частности в районе Севана). Для того чтобы предотвратить попытки местного населения к освобождению от урартской власти, они теперь сооружают здесь свои крепости, назначают сюда наместника, впервые включая, таким образом, присеванские «страны» в состав Урартского государства.

3. Освещающие некоторые важные вопросы истории Урарту (мятежи наместников, войны с киммерами и др.) материалы так называемого Куянджикского архива следует датировать, в основном, временем правления ассирийского царя Саргона (722—705 гг.) и, таким образом, большинство упоминающихся в них событий относить к последним годам правления урартского царя Русы, сына Сардури, и к началу правления его сына Аргишти.

4. Рубежом между первым и вторым периодами истории Урарту является не весьма сомнительная, не подтверждающаяся никакими данными реформа административного управления в годы правления Русы, сына Сардури, а действительные события конца VIII века, связанные с жестоким поражением, которое Урарту потерпело в борьбе с Ассирией. С этим связано и прекращение урартских завоевательных походов на север и утрата в VII в. некоторыми основанными в VIII в. центрами их прежнего значения.

5. Перенос резиденции царей Урарту с Ванской скалы на Топрах-кала произошел не при Русе I, в VIII в., а при его внуке Русе II, сыне Аргишти, в VII в. до н. э. Точные причины этого переноса, а также причины сооружения ряда новых центров в различных частях Урартского государства нам пока неизвестны, хотя и не исключена возможность, что они были связаны с какими-либо внутренними мероприятиями урартских правителей этого времени.

⁶¹ Меликишвили, ВДИ, 1953, № 4, стр. 235.

